

Вкус невозможного (некоторое количество воспоминаний о Харьковском центре современного искусства «Новая Сцена»)

Автор: Дмитрий Десятерик Газета «Время». 07.09.2019

Иные даты, круглые и не очень, требуют особого внимания — хотя бы в силу несправедливого устройства истории, стирающей из памяти достаточно значимые явления. Так, в августе этого года исполняется ровно 15 лет со дня основания в Харькове культурного центра «Новая Сцена». Как штрихи к образу «Новой сцены» несколько имен: первое публичное выступление культового поэта Сергея Жадана, дебютные выставки скандального фотохудожника Сергея Браткова прошли в рамках акций «Новой Сцены». Всемирно знаменитый фотограф Борис Михайлов также сотрудничал с «Новой Сценой», проводил с ними провокационные перформансы. Популярный рэппер по кличке Фагот («Танок На Майдані Конго») начинал как фаготист в ведущей «новосценической» группе «Казма-Казма»... Даже этих имен было бы достаточно.

«Новая Сцена» была и многожанровым, и всеукраинским явлением — начав действовать в Харькове, она за 10 лет распространила свою деятельность на крупнейшие города Украины, а также убедительно заявила о себе в Европе: в Германии в 1993 году, вышел диск групп «Новой Сцены», который являл собой подборку всего наиболее интересного, что существовало на тот момент в отечественной независимой рок-музыке. Это был один из первых — и крайне удачных — выходов украинской современной культуры на Запад, убедительное доказательство бытования Украины именно как европейской страны... А еще были и театральные опыты, и масса выставок, перформансов, концертов... Можно с уверенностью сказать — без «Новой Сцены» сегодня многое из того, что мы видим или слушаем, просто не существовало бы. Поэтому — предлагаем интервью с Сергеем Мясоедовым — человеком, который, собственно, и создал «Новую Сцену».

— **Начнем с определения. Что такое «Новая Сцена»?**

— Изначально — чисто музыкальное объединение. Я это уточняю, потому что определений было много, самое интересное написали у меня на бейдже в Кельне на презентации нашего компакт в 1993 году: «Новая Сцена — Инициатива». Я просто прозрел: как правильно люди оценили ситуацию!

— **А по твоему мнению?**

— Скорее, группа друзей по интересам...

— **И как это начиналось?**

— В недрах харьковского рок-клуба, который во второй половине 1980 х являлся достаточно мощным движением. Я там отвечал за молодые и экспериментальные группы. Хорошее было время, большого энтузиазма и надежд... К 1988 году появилась новая конъюнктура — песни протеста под электрогитару, а в пике этому образовалось крыло, которое считали экстремистским даже в рок-среде.

— **Экстремистское в каком смысле?**

— Просто люди хотели играть музыку ради музыки, экспериментировать. Осенью 1988 года у меня возникла идея провести фестиваль среди таких неформатных харьковских команд, и я придумал для него название «Новая Сцена». Мы достаточно быстро начали получать массу информации, слушали все, ездили везде, нашли единомышленников.

— **Откуда же, при тогдашней тотальной политизированности, у вас появилось так много сторонников — тем более в Харькове, который всегда казался одним из оплотов советского консерватизма?**

— Здесь надо сделать небольшое отступление и рассказать о феномене Харькова, поскольку город

очень хитрый. Изначально он был пограничным, и вся местность вокруг называлась Диким полем. Абсолютно ничейная, открытая со всех сторон, что до сих пор чувствуется, пространство, где можно испытывать любые идеи. XIX век дал Харькову расцвет купечества. И этот купеческий жир, что там нарос, революция как-то растрясла, но не до конца. А за то время, что Харьков был столицей Украины, в него много вложили, создали конструктивистскую архитектуру, привнесли урбанизм. К 1960-м годам Харьков стал мощной транспортной развязкой, с другой стороны — центром со множеством вузов и военных заводов, куда переезжали работать из других городов. То есть, в 1970—80-е годы там существовала заметная интеллектуальная прослойка. Но даже это не все объясняет. На мой взгляд, в этом городе так много странных, даже мистических вещей... Так что не было большим откровением, что столько людей начало серьезно изучать современное искусство. Отчасти это продолжало и дореволюционную традицию, поскольку там жили и Хлебников, и Маяковский, происходили футуристические поэзоконцерты... Кстати, одна из последних акций, которую я сделал там в декабре 1996 года — фестиваль «Арт-шейк», и среди выступлений рок-групп и ди-джейев из Москвы, Голландии, Англии был поэтический турнир — порядка 15 поэтов. Оценивал их один из последних футуристов, он был знаком еще с Крученых, — и этот дедушка вынес свой вердикт.

— **И какой?**

— Что победил Сергей Жадан. Это было его первое появление на культурном небосклоне Украины. И этот патриарх вручил Жадану серебряный перстень в соответствии с традицией футуристов — тогда они тоже делали турниры и вручали украшения. Так традиция передалась... Однако вернемся в 1988-й. Первая «Сцена» прошла в Пятихатках, в основном с харьковскими исполнителями. 1989 год принес очень серьезные разочарования в плане рок-клуба. Я понял, что у меня нет желания участвовать в этом развале, и начал организовывать собственную структуру, которую зарегистрировал как культурный центр в первый день августовского путча 1991 года. Была очень забавная церемония. Мы шли и не знали, вернемся ли после того, как нам вручат эти свидетельства, или сразу в тюрягу отвезут. Но тетка — по-моему, второй секретарь Фрунзенского райкома — суровым голосом нам сказала: «Товарищи, время нынче непростое, чем все закончится, мы не знаем, но просим вас не терять связи с нашим райкомом, поможем, чем можем». После чего все вздохнули и поняли, что арестовывать нас не будут. Друзья меня встретили, не помню, пили или нет, но освобождение было очень сильное... Ну а когда через 2 дня все завершилось объятиями в трамваях незнакомых людей — сам видел — стало понятно, что можно что-то делать. Но перед этим в 1990 году я успел провести еще один фестиваль «Новая Сцена». Интерес к нему был настолько велик, что нам без спонсоров удалось все расходы покрыть за счет билетов. Ну а потом, чем дальше мы двигались, тем более я понимал, что одной музыкой не пробыешься, хотя, например, еще на фестивале 1988 года состоялась первая персональная выставка Сергея Браткова.

— **И как это выглядело?**

— Свалили в фойе гору стульев, и все работы Сергея — фото и пару картин — выставили на этих стульях. Очень интересное впечатление.

— **Любопытно... И в какие же стороны ты решил расширяться?**

— С 1991 года у нас появилась театральная мастерская, пошли выставки... Мы имели маленькое помещение, в котором время от времени проводили концерты, но в основном, конечно, жили за счет связей с другими городами и расширения круга общения в Харькове. Через Браткова я познакомился с фотографами харьковской школы — Сергеем Солонским, Борисом Михайловым...

— **С самим?**

— Да, мы были с ним в очень хороших отношениях, и я даже на одну из его выставок нашел спонсора от «Новой Сцены» — это была совместная акция нас и галереи «АпДаун», которую открыл Братков. Мы очень плотно сотрудничали с «АпДауном», «Казма-Казма» (играли смесь

рока, барочной и средневековой музыки с соответствующими текстами и театрализацией концертов. — ДД.), в частности, принимала там участие в акции с Михайловым.

— **До сих пор помню — голые музыканты в самых неожиданных местах, шумовые эффекты по всему интерьеру и Михайлов как скрытый дирижер...**

— Скоро я понял, что связей по бывшему СССР недостаточно, нужен прорыв на Запад. И, как результат, в 1993 году в Западной Германии на очень хорошем лейбле «What So Funny About?», который в свое время раскрутил «Айнштурцен Ньюбаутен», вышел сборник украинских рок-групп. Как показала история, подобного больше не получилось ни у кого. Нас очень высоко оценили, на российском ТВ была передача «Виниловые джунгли», полностью нам посвященная, мы вошли как событие года в какие-то их рейтинги по СНГ. Отзывы были восхищенные, момент триумфа... Но, видимо, мы немного рано все это сделали, нам не хватило дыхания. Да, наш диск получил свои 4 звезды в престижном британском журнале «Sounds», много похвальных отзывов, продано какое-то количество экземпляров, и даже в Японию купили часть тиража, я сделал довольно много туров наших рок-групп в Польшу, Германию, Голландию, но это не переломило ситуацию в коммерческом плане... А своего рода апофеозом стал фестиваль «Новая Сцена-3» в 1992 году, шедший 3 дня в 3 разных городах — Киеве, Донецке, Харькове, собравший 16 проектов российско-украино-американских. Потратили мы много сил, 9 месяцев готовились, нашли таки деньги, провели на хорошем уровне, но страшно измотались психически и физически. «Новую Сцену» начали ценить на уровне городского управления культуры, и я долго сотрудничал с городскими властями, они даже нам дали денег пару раз. Я тогда попытался объединить разные направления, и в 1994 г. придумал еще фестиваль, — «Культ Модерна». Ведь одной акцией привлечь внимание становилось все труднее, наша аудитория постоянно вымывалась. Упор был сделан на культурные связи, на многожанровость и новые веяния.

— **То есть?**

— Так, мы еще в начале 1990-х показали современный танец — контактную импровизацию, которая только сейчас начала в Украине существовать. Много современной фотографии показывали. Впервые в Украине сделали Дни французского кино. Получился такой творческий котел. И это помогало искать средства — потому что на отдельные программы их найти было сложно. Самым крупным «Культом» был второй, в 1995-м году, который длился 2 недели, более 50 акций, более 100 человек приглашенных. Театры из Австрии, Германии, Англии, Казахстана, Америки, Голландии...

— **До сих пор помню там театр имени Леся Курбаса из Львова с прекрасным спектаклем по «Преступлению и наказанию»...**

— Мы с ними дружили... Маргарита Терехова приезжала со своим спектаклем — ее первая режиссерская работа. Целый вагон декораций, еле растаможили... То есть калибр приглашенных был достаточно серьезный, и 1995 й долго вспоминался как событие культурной жизни Харькова.

— **И что потом?**

— Увы, это была вершина. На следующий «Культ модерна» нам отказали в финансировании за день до открытия, он прошел очень скромно.

— **Неужели при всех ваших достижениях никто так и не вызвался вам помочь?**

— Зимой 1995-96 гг. у меня были хорошие отношения с фондом Сороса, они обещали финансовую поддержку, с городским управлением культуры, которое давало помещение... И в горисполкоме утвердили «Новую Сцену» как культурный центр. Он должен был находиться в центре города, в помещении кинотеатра «Юность». Уже разработали план реконструкции, хотели сделать 2 помещения multifunctionальных, строители ждали начала работ... Но путем интриг на уровне областного управления культуры нас оттуда очень красиво выставили. Видимо, наверху думали, что у нас куча денег, и мы не хотим ими делиться. Все было утверждено, у меня

сохранилось длиннейшее письмо поддержки с подписями театральных режиссеров, заслуженных артистов, целая страница подписей — ничего не сработало. И это был сильный облом. А после проблем с финансированием на фестивалях 1996-97 гг. я понял, что это безнадежно. Просто не осталось никаких резервов на то, чтобы дотянуть до посадочных огней, грубо говоря. Я понял, что еще очень нескоро, может быть, не в моей жизни что-то случится в этом городе.

— **Когда истощилось твое терпение?**

— После фестиваля «Восточный Экспресс» в 1997 г. «Новая Сцена» имела к нему завуалированное отношение. Произошел он по инициативе Соцпартии Украины, один их деятель решил себя попиарить и попросту нас развел, пообещав, что найдет много денег, и в результате этого бюджета не было (типично для социалистов. — ДД). Но мы сделали программу, хотя и сорвался целый ряд мероприятий. Наверно, самым ярким и скандальным было выступление группы «Лайбах» (если кто забыл - группа из Словении, прославившаяся издевательски-мрачными пародиями на классические рок-хиты. — ДД) в Харькове. Я не мог ничего отменить, пришлось занять денег и провести на них концерт, а потом несколько лет отдавать долг. Слава богу, у нормальных людей занял. И после этого я покончил с фестивальной деятельностью. Делал вечеринки в ночных клубах, возил группы на Запад...

— **Что «Новая сцена» представляет собой сейчас?**

— Это театральная студия, очень активная, по 2-3 спектакли в год делают, просто уровень воздействия уже не тот. Она входит сейчас в городской театральный центр с тремя другими студиями.

— **А с музыкой как?**

— Наблюдается небольшое оживление. Группа «Эльза» вроде бы записала программу, «Казма-Казма» после 12-летнего перерыва делает альбом «Демон одиночества»... У меня вообще есть мечта — издать бэк-каталог «Новой Сцены». Потому что осталось 12 альбомов разных групп, нигде неизданных... Но ситуация изменилась. Сейчас Харьков далеко не тот, каким был в середине 1990-х. Там есть люди, которые увлекаются кинематографом, экспериментируют в музыке, но это все не имеет общего центра тяжести. Жадан пытался действовать схоже — в 1998 году провел фестиваль «Апокалипсис начинается отсюда», соединил музыку, поэзию и живопись... Во Львове, кстати, проблем с мультикультурностью никогда не было, это в Харькове такие попытки воспринимались как из ряда вон выходящее. Люди никак не могут привыкнуть, что они живут на территории Европы.

— **Что же осталось после «Новой Сцены»?**

— У меня складывается ощущение, что ничего. Да, «Фоа-Хока» выпускает компакты, ездит на Запад. Я знаю, что у многих достаточно серьезных музыкантов, например, у «Sonic Youth» (на всякий случай: американские звезды независимого рока. — ДД) компакт «Новой сцены» находится на почетном месте. В Москве 2 альбома «Новой Сцены» вошли в список 100 лучших альбомов русского рока, во всех энциклопедиях, которые там выходят, про нас написано. Но как повлияло... Например, феномен группы «Пятница» с «Новой Сценой» никоим образом не связан... Может, пройдет какое-то время, и мне удастся издать каталог групп, которые в свое время были очень неординарными и остаются таковыми до сих пор. И, кто знает, эти альбомы, когда выйдут, повлияют на новое поколение, на что-то (со смехом) откроют ему глаза.

— **Мы возвращаемся к тому, с чего начали. Получается, что «Новая Сцена» — это один из экспонатов невменяемого музея 1990-х?**

— Да, это были очень, очень 1990-ые. И я не жалею ни о чем. Поскольку познакомился с очень большим количеством очень ярких, очень талантливых людей, иногда даже очень известных. Благодаря «Новой Сцене» удалось сохранить свою индивидуальность, это жестокое время не расплющило, как многих... Тогда все зависело только от людей, от того, насколько они хотят

чего-то добиться. Сейчас уже игра по правилам идет, мы живем уже в другой системе. Тогда системы не было. Тогда было время свободы, и в это время удалось сделать невозможное, наверно...